

[書評]

Danylenko Andrii
From the Bible to Shakespeare.
Pantelejmon Kuliš (1819–1897) and the Formation of Literary Ukrainian.
(Boston: Academic Studies Press, 2016, 447pp.)

Ihor DATSENKO

Для японского читателя имя украинского писателя XIX века Пантелеймона Кулиша (1819–1897) еще остается малоизвестным. Этому есть свое оправдание: до распада Советского Союза в украинском литературоведении он считался «буржуазным писателем», а в фундаментальном издании «История украинской литературы»¹ упоминание о нем вообще отсутствует. Непонятым остался П. Кулиш и для своих современников. Украинофилов XIX в. отталкивали его критические высказывания в адрес Т. Шевченко, а также его деятельность на государственной службе в Варшаве, в соответствии с которой он проводил русификаторскую политику в Польше.

Однако П. Кулиш оставил заметный след в истории украинской литературы. Самым известным его произведением считается роман «Чорна рада», посвященный историческим событиям на Украине в 1663 году. Историк, писатель, поэт, публицист, переводчик, заметная фигура украинского национального возрождения второй половины XIX в. — многогранная личность П. Кулиша до сих пор остается до конца не понятной и не исследованной.

Замысел написания работы, посвященной языку П. Кулиша, в рамках проекта по истории современного украинского литературного языка появился у профессора Андрея Даниленко (англ. Andrii Danylenko) в 2008 году во время пребывания в Гарвардском университете. Во время исследования автор очень подробно изучил материалы, касающиеся деятельности П. Кулиша и других украинских литераторов XIX века, в библиотеках Гарварда, Кембриджа, в Национальной библиотеке им. В. Вернадского в Киеве, а также в библиотеке Черниговского государственного литературно-мемориального музея М. Коцюбинского (Украина).

Исследование состоит из вступления, двух больших частей, выводов, библиографии, указателей географических названий и личных имен, а также словоформ. В работе дается анализ языка переводов Библии и произведений Уильяма Шекспира, выполненных П. Кулишом, в контексте формирования и нормализации украинского

литературного языка второй половины XIX в.

С начала XIX в. под влиянием идей европейского романтизма и возрождения славянских языков возникает интерес к украинской этнографии, фольклору, языку. До середины XIX в. на украинском языке вышли в свет произведения И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, сборник стихотворений Т. Шевченко «Кобзарь». Во второй половине XIX в. в австрийской Украине начинаются бурные дискуссии по поводу дальнейшего развития украинского языка: нужно ли брать во внимание исторический фактор, в частности роль церковнославянского языка, в формировании нового литературного языка или ориентироваться исключительно на народную, диалектную основу. Однако в общеукраинском контексте велась более широкая дискуссия: какой диалект должен лечь в основу литературного языка — западноукраинский диалект Галиции или восточноукраинский диалект Среднего Поднепровья. Именно в этом, широком, контексте и анализируется языковая концепция П. Кулиша в книге А. Даниленко.

Во «Вступлении» (с. xi–xxiii) подчеркивается роль П. Кулиша в формировании украинского литературного языка. Он считал, что высокая украинская литература, полноценный литературный язык должны развиваться на Украине в рамках политического и культурного объединения с Россией. Свой первый роман «Михаил Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (1843) П. Кулиш написал на русском языке. В историческом трехтомнике «История воссоединения Руси» (1874–1877) автор развенчивает миф о героическом казачьем прошлом Украины, выражает восхищение русским царем Петром I и царицей Екатериной II, умаляет значение фигуры Т. Шевченко. Такие идеи вызвали резкую критику со стороны украинской национальной интеллигенции.

В советское время произведения П. Кулиша не были в центре внимания украинских литературоведов, а анализ его творческого наследия проводился за пределами СССР. В последние годы интерес к литературной деятельности П. Кулиша возрастает, но его лингвистическая концепция до сих пор остается не исследованной. Отдельные черты языка П. Кулиша рассматриваются в работах Ю. Шевелева, И. Огиенко, О. Горбача, О. Муромцевой, И. Муромцева, И. Матвиея и других языковедов. Как пишет А. Даниленко, в оценке роли П. Кулиша в формировании украинского литературного языка существуют полярные мнения. Если указанные языковеды в целом положительно отзывались о языке П. Кулиша как инноватора и экспериментатора в деле создания литературного языка, то, например, львовский языковед Л. Мацюк считает его переводы произведений У. Шекспира вульгарными и лишенными европейского вкуса.

Последний подход к оценке языковой реальности XIX в. в парадигме современных реалий А. Даниленко считает ошибочным.

Как указывает автор исследования, П. Кулиш видит процесс развития украинского литературного языка в двух плоскостях. По мнению писателя, литературный язык должен вобрать в себя не только диалектное разнообразие (горизонтальная плоскость), но и иметь историческую преемственность развития (вертикальная плоскость). Кроме того, с точки зрения П. Кулиша, именно переводы мирового литературного наследия могут вывести украинскую литературу на новый, не провинциальный уровень. Поэтому Библия и произведения У. Шекспира имели бы большую ценность для украинского языка: Библия как образец религиозного высокого стиля, а произведения У. Шекспира — светского высокого стиля. Посредством языковых образцов лучших классических произведений украинец XIX в. смог бы усвоить элементы мировой культуры и литературы.

В первой части «Библия» (с. 1–278) исследователь анализирует язык перевода библейских текстов П. Кулиша. Писатель работал над переводами Библии более 40 лет до самой смерти, и именно здесь больше всего проявилась его концепция создания полноценного литературного языка. Чтобы понять, в чем состоит суть языковой концепции П. Кулиша, А. Даниленко обращается к творчеству других деятелей XIX века, которые пытались переводить отдельные части Священного Писания на украинский язык. Проблема исследования усложняется тем, что в политическом отношении украинский народ оказался разделенным между двумя Империями — Российской и Австрийской, и в каждом из этих государств процесс развития украинского литературного языка происходил по-разному. Среди плюрализма идей у украинских писателей не было целостного взгляда на развитие украинского языка. П. Кулиш чувствовал необходимость создания одного синтетического языка, который объединил бы две части украинского народа. Поэтому в основе литературного языка должны быть представлены все диалекты, опираясь при этом на исторические традиции. Исследователь делает важный вывод, что этой концепцией переводы П. Кулиша отличаются от переводов других авторов, пишущих исключительно на своем родном диалекте.

В ранних переводах Псалмов, Песни Песней и Книги Иова П. Кулиш, как и его предшественники, пытался ориентироваться на народный язык и фольклор. Однако П. Кулиш показывает и новый подход. Если предшественники П. Кулиша, в частности М. Максимович, П. Гулак-Артемовский, П. Морачевский, В. Александров и А. Навроцкий, оттачивались только от фольклорных элементов, то П. Кулиш применяет

намного больше гетерогенных средств в создании высокого стиля литературного языка. Это обнаруживается особенно заметно в использовании церковнославянизмов. П. Кулиш исходил из того, что церковнославянский язык — это отнюдь не иностранный язык для украинского читателя. Именно поэтому, например, церковнославянские единицы часто встречаются в произведениях Т. Шевченко. Однако Т. Шевченко использовал церковнославянизмы по традиции как элементы исключительно высокого стиля речи. Напротив, П. Кулиш свободно экспериментировал с ними и употреблял вместе с просторечиями.

Анализ церковнославянизмов занимает важное место в работе А. Даниленко. Практически все анализируемые исследователем авторы употребляли в своих переводах лексемы церковнославянского языка в противовес народно-разговорным (диалектным) лексическим единицам. В своем исследовании А. Даниленко выделяет церковнославянские элементы восточнославянской, русской, украинской редакций. При этом, на наш взгляд, у автора нет четкого разграничения между этими редакциями. С одной стороны, если противопоставляются украинская и русская редакции, то, с другой стороны, в чем проявляется сущность восточнославянской редакции церковнославянского языка? Возникает также вопрос: чем русские, по мнению автора, церковнославянизмы *владыка, жизнь, подобный, чертог* и т. п. отличаются от таких же украинских церковнославянизмов, широко засвидетельствованных «Словником української мови XVI — першої половини XVII ст.»? Возможно, этот категориальный аппарат следовало бы более подробно описать во вступлении.

Другим важным вкладом П. Кулиша в развитие украинского литературного языка было создание неологизмов, в частности таких слов, как *бачиво, видовина, відрадоці, злоріка, левчук, правиця, тіснява, ясувати* и др. Многие из этих лексем вошли в состав украинского литературного языка, а некоторые так и остались окказиональными образованиями. На наш взгляд, в разделе, посвященном неологизмам П. Кулиша (с. 21–26), следовало бы подробнее остановиться на их источниках. В частности, как нам кажется, некоторые образования скорее являются относительными неологизмами, а именно украинизированными заимствованиями из польского языка, например: *злоріччю* (пол. *złorzeczyć*), *помуга* (пол. *potęga*), *твержа* (пол. *twierdza*, ср. также церк.-сл. *твержа* ,крепость').

В середине XIX века попытки перевести Евангелие на украинский язык осуществлялись также в Галиции. Часть из этих переводов, как, например, переводы Маркияна Шашкевича или Антона Кобилянского, была сделана на западноукраинской диалектной основе с широким применением церковнославянизмов. Другая часть,

например перевод Александра Бачинского, написана на язычии — гибридном языке с использованием церковнославянских, русских и западноукраинских диалектных форм. По мнению А. Даниленко, ориентация только на одно из наречий украинского языка (в данном случае юго-западное) значительно уменьшает качество переводов.

В первой части исследования Библия довольно подробно анализируются словообразовательные, морфологические, синтаксические, фонетические, а также орфографические черты, рассматривается соотношение традиционных и народных элементов в тексте перевода Библии П. Кулиша. Важный вывод автора состоит в том, что П. Кулиш пытался найти баланс не только между историей и современностью, но и между разными украинскими диалектами, сделать перевод понятным для читателя и в Поднепровье, и в Галиции.

Все же позволим себе выразить несогласие с интерпретацией грамматического значения словоформы *лишку* 'взятка' в переводе Псалма №15: «*хто грошима запоми́гши, лишку не приймає*». По мнению исследователя, перед нами форма винительного падежа женского рода слова *лишка*, возможно переделанного из церковнославянского *лихва*, а также польского *lichwa*. На наш взгляд, речь идет не о существительном женского рода *лишка*, а о существительном мужского рода *лишок*, употребленном в форме родительного падежа при глагольном отрицании. Эта мысль подтверждается также наличием подобной формы существительного мужского рода *смуток* в конце перевода: «*оттакий ніколи въ світі смутку не дознає*».

Большую часть работы А. Даниленко посвятил оценке переводов Библии П. Кулиша его современниками. Самыми строгими критиками были украинские писатели Иван Нечуй-Левицкий из Поднепровья и Иван Франко из Галиции. И. Нечуй-Левицкий упрекал П. Кулиша за чрезмерное использование западноукраинских лексических единиц, а также за непрактичную орфографическую систему, употреблявшуюся в то время в Галиции. Критика И. Франко состояла в том, что перевод Библии П. Кулиша не будет понятным простому народу из-за слишком большого количества устаревших церковнославянизмов.

Во второй части «Шекспир» (с. 279–373) исследуются переводы П. Кулиша произведений У. Шекспира. На протяжении 1882–1902 гг. вышли следующие пьесы У. Шекспира в переводе П. Кулиша: «Отелло», «Троил и Крессида», «Комедия ошибок» (1882), «Гамлет» (1899), «Укрощение строптивой», «Кориолан», «Макбет», «Юлий Цезарь» (1900), «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра», «Много шума из ничего» (1901), «Мера за меру», «Король Лир» (1902).

Как пишет А. Даниленко, после появления первых переводов в 1882 г. на

П. Кулиша обрушился шквал критики. Галицкий языковед Омелян Партицкий укорял П. Кулиша за его неестественный, искусственный язык. Например, слова *вельми*, *фортуна*, *схидний*, *ясувати*, по мнению О. Партицкого, в народной речи употребляются крайне редко или совсем не употребляются. Кроме того, бросаются в глаза устаревшие лексемы *амен*, *отаманья*, *очортіти*, *карбованець*, *юхта*, неудачные заимствования из польского, немецкого, церковнославянского языков: *кгалантний*, *впреймость*, *натхненне*, *алканне* и т.п.

Другим критиком П. Кулиша стал историк Николай Костомаров. Н. Костомаров укорял П. Кулиша за выбор второстепенных пьес и вообще сомневался в целесообразности их перевода на украинский язык. По его мнению, культурный уровень украинского крестьянства в Поднепровье позволит воспринимать только оригинальные произведения, написанные на простом языке, но никак не шедевры мировой классики. С точки зрения исследователя, подобное видение роли украинского языка и украинской литературы было свойственно не только Н. Костомарову, но и многим представителям восточнукраинской интеллигенции, в частности языковеду А. Потебне. А. Потебня, будучи украинофилом, верил в сосуществование литературного русского языка как общего стандарта для восточных славян и нового литературного украинского языка.

Одним из первых переводчиков произведений У. Шекспира был Павлин Свенцицкий. П. Свенцицкий пользовался не английским оригиналом, а польским переводом. По этой причине украинский язык его переводов перенасыщен польскими элементами. Идеологически близкими в языковом плане являются переводы Юрия Федьковича, Михайло Старицкого и Панаса Мирного, ориентировавшихся на диалектный язык, в частности Ю. Федькович — на галицко-буковинское койне, а М. Старицкий и П. Мирный — на юго-восточное наречие. Язык И. Франко, также переводившего произведения У. Шекспира, ориентирован на народную, западноукраинскую основу. Исследователь замечает, что И. Франко допускал возможность развития украинского литературного языка на мультидиалектной основе. Однако такой подход был чреват опасностью развития в будущем нескольких литературных языков. Высокую оценку А. Даниленко дает переводам украинской писательницы Леси Украинки, язык которой ориентирован на юго-восточное наречие, но открыт для церковнославянизмов и галицких диалектных элементов.

В «Выводах» (с. 374–385) исследователь объясняет, чем вызвано своеобразное видение концепции развития украинского литературного языка, еще раз останавливается на диалектике взглядов П. Кулиша на историю украинского языка и его связи с русским и польским. С точки зрения П. Кулиша, от самых древних времен в лингвистическом

и в религиозном отношении украинцы всегда были ближе к русским, чем к какому-либо другому народу. Однако в силу политических обстоятельств, в частности под влиянием Польши и в связи с развитием казачества, оторвались от них. П. Кулиш всегда считал, что украинский язык имеет непрерывную преемственность в историческом развитии со времен Киевской Руси. Именно этот традиционный язык («старорусчина») и необходимо воссоздать. Такой украинский литературный язык («старорусчина») и русский литературный язык («новорусчина») не должны пребывать в оппозиции, а наоборот, приближаться друг к другу.

П. Кулиш стал одним из тех немногих нормализаторов украинского языка, который видел необходимость в синтезировании разных диалектных элементов в один литературный язык, при этом главную роль в объединении языка должна играть не Галиция, а Поднепровье. Схематически процесс объединения должен был выглядеть следующим образом. Сначала в Поднепровье на народной основе формируется стандарт литературного языка. После того, как этот стандарт примет Галиция, возможен ввод некоторых галицких языковых элементов, которые, однако, никоим образом не должны влиять на структуру языка. Как показал анализ, эта концепция полностью реализуется в переводах Библии и произведений У. Шекспира. Эти переводы свидетельствуют о том, что применение иностранных заимствований, церковнославянизмов, русизмов хоть и было свободным, но все же не было произвольным. Употребление книжных слов диктовалось культурным и лингвистическим контекстом, а также жанром произведения. Как следует из проведенного исследования, в переводах Библии русизмы и церковнославянизмы употребляются довольно часто, но заимствований из польского языка переводчик избегал. Напротив, в переводах пьес У. Шекспира можно встретить определенное количество полонизмов. С точки зрения П. Кулиша, именно посредством польских заимствований осуществлялась связь с другими развитыми европейскими языками. П. Кулиш также стал первым писателем из Поднепровья, введившим галицкие лексические элементы в язык своих произведений.

Среди тех, кто не смог полностью принять языковую концепцию П. Кулиша, были историк Н. Костомаров и писатель И. Франко. Оба они упрекали П. Кулиша за то, что его язык излишне искусственный и поэтому не может быть понятным в обеих частях Украины. Концепция «старорусчины», продвигаемая П. Кулишом и призванная объединить Галицию и Поднепровье, была отброшена не только Н. Костомаровым и И. Франко, но и многими представителями украинской интеллигенции. Ни переводы Библии, ни переводы пьес У. Шекспира, выполненные П. Кулишом, не вошли в фонд лучших украинских переводов мировой литературы и остаются только объектом

исследования ученых. В конце XIX — в начале XX вв. победило этнографическое, монодиалектное видение развития украинского литературного языка, базирующееся на фольклорных традициях Среднего Поднепровья.

К сожалению, в тексте исследования иногда встречаются описки. Так, на с. 23 вместо указания на словарь Б. Гринченко дано указание на словарь Е. Желеховского,² а на с. 76 по ошибке пропущено несколько строк из Евангелия.

На наш взгляд, остался нерешенным следующий вопрос: как языковая концепция П. Кулиша реализовывалась в других его произведениях? Судя по замечанию В. Русановского о том, что «основным источником языка П. Кулиша является фольклор»,³ а И. Огиенко назвал П. Кулиша «идеологом и творцом украинского языка»,⁴ можно сделать вывод, что в своих художественных произведениях П. Кулиш реализовывал совсем противоположный проект развития украинского языка. Как сочетаются язык оригинальных произведений и язык переводов, в исследовании А. Даниленко не анализируется.

Однако указанные неточности абсолютно не влияют на очень высокий уровень исследования и на степень его восприятия в целом. Анализ материала и выводы, сделанные автором, позволяют глубже понять лингвистические и культурные процессы создания украинского литературного языка, переосмыслить разные подходы к его нормализации во второй половине XIX в.

Примечания

- ¹ *Історія української літератури. Том перший. Дожовтнева література.* Київ: Вид-во АН УРСР, 1954.
- ² Имеются в виду следующие лексикографические работы: *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко.* Киев, 1907 и *Малоруско-німецький словар: У 2 т.* Уложили: Євгеній Желеховський та Софрон Недільський. Львів, 1886.
- ³ Русанівський Віталій. *Історія української літературної мови.* Київ: АртЕк, 2001, с. 233.
- ⁴ См. соответствующий раздел в книге Иван Огиенко (Митрополит Іларіон). *Історія української літературної мови.* Київ: Наша культура і наука, 2001 (перше видання – Вінніпег, 1949).